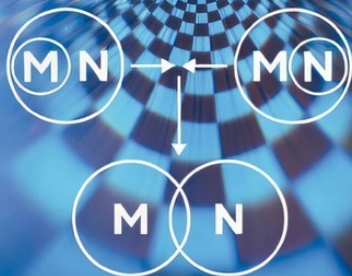

$S \text{ есть } P \rightarrow \leftarrow S \text{ не есть } P$

$P \text{ есть } S$

Владимир Эльканович
**Логика и философия
интеллекта**

Издание второе, дополненное и переработанное

Владимир Адольфович Эльканович
Логика и философия
интеллекта. Издание второе,
дополненное и переработанное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73310758

ISBN 9785006921719

Аннотация

Научное исследование в области логики процесса познания, который совершается каждым человеком в его жизни много раз, а также в науке и общественной практике.

Содержание

Введение	5
Некоторые предварительные уточнения	14
Философия мышления человека	34
Конец ознакомительного фрагмента.	51

**Логика и философия
интеллекта
Издание второе,
ополненное и переработанное**

**Владимир Адольфович
Эльканович**

*Жене своей Людмиле
посвящаю*

Первое издание книги – Хабаровское книжное издательство, 2006

© Владимир Адольфович Эльканович, 2026

ISBN 978-5-0069-2171-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

В поисках форм

Вопрос о перспективах философии в современном мире можно поставить намного шире обычного понимания, переведя его в принципиально иной аспект, – о тех перспективах, которые открываются перед человечеством благодаря современной философии.

Благодаря открытиям, сделанным в области методологии, феноменологии и логики мышления, методологическая функция философии может стать поистине прагматической, являясь ведущей теоретической базой для создания искусственного интеллекта.

Ещё Лейбниц мечтал создать такую машину, которая заменила бы человеческое мышление сравнительно легко просчитываемыми логическими операциями. В нашу эпоху – эпоху научно-технического прогресса всё чаще стали говорить о возможности создания искусственного интеллекта. И даже говорят, что так называемый «ИИ» уже создан и успешно применяется во многих отраслях.

Как Лейбниц, так и современные исследователи и конструкторы в подавляющем своём большинстве мыслят такое устройство на функциональной базе математически модернизированной аристотелево-стоической логики. Дело при-

нимает такой оборот, что вместо того, чтобы исследовать действительные логические отношения живого мышления, пытаются сделать невозможное – подогнать живое мышление под искусственную логику-математическую конструкцию, созданную специально для некоторых утилитарных теоретико-технологических целей.

С другой стороны, само мышление привыкли идентифицировать с речью, что также даёт пищу попыткам формализовать язык, а затем при помощи формализованного языка сконструировать интеллект.

Однако Аристотель никогда не называл своё детище логикой. Это была именно аналитика – т.е. орудие анализа результатов мышления. Любой силлогизм – это схема сравнения одних мыслей (каким-то «чудесным» образом созданных в голове человека) с другими. Вопрос о том, каким же образом рождаются мысли в человеческой голове, Аристотелем в его аналитиках даже не ставился.

Современное электронное кибернетическое устройство обладает способностью производить некоторые интеллектуальные («обдумывающие») операции по программам, составленным человеком специально для таких операций. Человек же, в отличие от самой совершенной машины (по крайней мере, до сего дня), способен программировать сам себя – он обладает феноменом так называемого произвольного (безвольного – по терминологии Шопенгауэра) ак-

та. И для того, чтобы попытаться создать электронную копию мозга, необходимо сперва понять, как работает *оригинал* – именно с точки зрения его логики.

Автор отдаёт себе отчёт в том, что его позицию разделяют далеко не все. Известно, к примеру, мнение одного маститого советского философа:

«Мышление, как особый процесс, обладающий специфически отличающимися его от движения объективной реальности чертами, т.е. как одна из психофизиологических способностей человеческого индивидуума, подлежит, разумеется, самому тщательному изучению в психологии, в физиологии высшей нервной деятельности, но не в логике». (Э. В. Ильенков. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. Москва, Политиздат, 1977, стр. 210).

Но что может дать психология и физиология высшей нервной деятельности в понимании того, как из одних мыслей образуются другие, каким образом в человеческой голове рождаются новые идеи, каким образом, наконец, возникают абстрактные понятия? Кстати, феноменология здесь тоже бессильна, хотя даёт нам много полезного (и в этом мы в дальнейшем убедимся), – она не даёт понимания форм движения мышления, то есть именно логики мышления. В этом откровенно признаётся сам феноменолог:

«Говоря абстрактно, именно культура формообразует психический субстрат и приводит к возникновению нового системного свойства – сознания. Эта формула требу-

ет конкретизации. Суть конкретного решения в выявлении механизма культурного формообразования психики. Хотя этот процесс миллиарды раз повторялся в жизни каждого рождённого индивида, но тайну его мы едва ли можем считать раскрытой. Здесь ясно – благодаря чему, но непонятно как». (С. Е. Ячин. Феноменология сознательной жизни. Владивосток, Дальнаука, 1992, стр. 24 – 25).

Разумеется, содержание мышления каждого человека не просто индивидуально – он уникально. Логика же мышления исследует то общее, что присуще каждому индивидуальному содержанию мышления – форму мышления. В этом «механизме» участвуют миллиарды нервных клеток, но управляет ими (задаёт алгоритм) именно логика мышления.

Исследования методологии, феноменологии и логики мышления велись с разных позиций и по разным направлениям, к сожалению, почти независимо одно от другого.

Во-первых, было установлено, что человек, в отличие от животного, не может ограничиваться просто информационным обменом с окружающей природой. Человеку присущ принципиально новый вид деятельности – информационная деятельность. Эта деятельность способна «отрываться» от информационного обмена и происходить в относительной независимости от него (так называемый поток переживаний – не что иное, как специфическая только для человека форма опережающего отражения, призванная поддер-

живать готовность человека к информационной деятельности в определённой ситуации).

С другой стороны, было установлено, что отрыв информационной деятельности от информационного обмена есть следствие возникновения сознания, первичная функция которого – получение информации об информации, т.е. ощущение своей субъективной реальности (это можно было бы назвать «шестым чувством» или ощущением высшего порядка). При этом всё-таки ошибочно не делают различия между сознанием и содержанием сознания: содержание сознания – это та часть субъективной реальности, которая в данный момент «озарена» сознанием; собственно сознание – это способность обозревать (а также сам процесс «озарения») свою субъективную реальность.

Следующий шаг – признание того, что сознание человека не есть феномен психики. Наоборот, сознание есть мозговая надстройка над психикой, которая берёт психику под свой контроль. Эта способность человека непосредственно ощущать свою субъективную реальность, как нечто объективно противостоящее его *Я*, даёт ему власть над собственной психикой.

Некогда была осуществлена попытка создания психологической модели формирования произвольного акта. Однако эта модель не выдерживает критики, т.к. произвольный акт в принципе невозможен без предварительного образования абстрактных понятий – психология тут бессильна.

Было понятно, что абстрактные понятия – основа информационной деятельности. Непонятен был алгоритм действия миллиардов нервных клеток мозга, приводящий к формированию абстрактных понятий. Этот алгоритм и был впоследствии приоткрыт (не могу сказать «открыт» – это было бы слишком сильным заявлением) как логика мышления.

Исследования *собственно логики (общих форм) мышления* начались с поиска форм преодоления противоречий. Было открыто, что противоречие в общем виде есть результат принятия относительной истины за абсолютную, принятия явления за его сущность – и то, и другое оказывается неизбежным на определённом этапе процесса познания (всё это с необходимостью повторяется на каждом новом витке процесса познания). В каждом конкретном случае противоречие есть результат логики взаимодействия *Я* и *не-Я* (соединения форм информационной деятельности и информационного обмена). Причём изначально («по умолчанию») информационная деятельность нацелена на создание непротиворечивой дедуктивной системы (предвзятости), что является разновидностью феномена опережающего отражения (логическая феноменология). Преодоление противоречия осуществляется также в определённых формах (в специфической логике) этого взаимодействия.

В результате формируется (выводится) общее понятие, содержащее в себе обе стороны «снятого» противоречия в качестве равных возможностей для произвольного акта.

Без такого «снятия» (причём, с точки зрения общих форм, хорошо просчитываемого логически) ни о каком произвольном акте не может быть и речи – в мышлении может лишь отражаться строгий (до-противоречивый) детерминизм внешних феноменов. Сформировавшееся общее понятие становится в основание качественно новой дедуктивной системы (новой предвзятости).

Открывшаяся логика умозаключений живого мышления, в отличие от известной традиционной логики, произошедшей от аристотелевской аналитики, была названа экзистенциальной. Это важно, поскольку именно при посредстве открытых умозаключений удаётся решить загадку агностицизма – стало понятно, каким образом человек приходит к выводу о том, что *не-Я* не является частью моего *Я* (Фихте, как известно, пытался сконструировать противоположную модель мышления).

Цепь умозаключений и получаемые при этом результаты оказались в поразительно точном и полном соответствии с диалектической методологией, описанной Гегелем. Однако то, что Гегель называл логикой, логикой назвать нельзя – Гегель не дал форм перехода одних категорий в другие. Не зная этих форм, Гегель вынужден был прибегнуть к некоторой мистике при описании диалектических переходов. Таким образом, диалектическая логика (именно как собственно логика преодоления противоречия) была, наконец-то, впервые открыта (в этой части полученных результа-

тов можно смело сказать «открыта», а не только «приоткрыта»).

В ходе исследований было также установлено, что логика мышления человечества в целом (в частности, логика науки) в принципе ничем не отличается от логики мышления одного человека (логический филогенез и логический онтогенез). В связи с этим стало понятно место традиционной логики (аналитики) в процессе мышления и её подлинное соотношение с диалектической логикой.

Стало понятно, что *законы и принципы традиционной логики суть законы и принципы тождества мышления и бытия*. Т.е. если традиционная логика (аналитика) есть отношение внутренней упорядоченности мыслей (не обязательно истинных), то экзистенциальная логика – это формальное отношение человеческой мысли к познаваемому миру. *А тождество мышления и бытия – лишь этап в процессе познания*: оно периодически теряется (при возникновении противоречия), а затем периодически восстанавливается (при преодолении противоречия).

Остаётся признать, что сделаны лишь самые первые шаги, приоткрывшие завесу тайны логики мышления. Эти исследования нуждаются в продолжении на более высоком и, вероятно, более формализованном уровне, желательно с применением математических методов, но разработанных специально для описания реальных процессов мышления.

Названия этой новой науки пока ещё нет в «номенклату-

ре специальностей научных работников». Однако это отнюдь не означает, что такой науки нет – она уже есть.

Более того, открытие логических форм живого процесса мышления заставило пересмотреть казавшиеся привычными и потому незыблемыми взгляды на философию мышления, затем на философскую антропологию и, следовательно, на всю теорию познания. Поэтому в названии предлагаемой работы на первом месте стоит логика, а потом только философия.

Кстати, новые работы современных исследователей в области феноменологии лишней раз подтвердили правильность полученных результатов. Смею надеяться, что представители самых разных философских (и не только) направлений получат для себя много важного и интересного.

Некоторые предварительные уточнения

Не подлежит сомнению, что так называемое чувственное познание начинается с восприятия информации, поступающей через органы чувств. Более того: я утверждаю, что любое познание начинается с того же. Ведь даже «чисто» теоретическое познание неизбежно начинается с чувственного – зрительного восприятия текста, слухового восприятия речи (так называемое рациональное познание, как мы увидим в дальнейшем, также окажется и чувственным, в то время как эмпирическое – одновременно и рациональным). Тем не менее, это общее место нуждается в специальном предварительном уточнении. А именно, уточним понятия «*чувства*», «*восприятие*», «*информация*».

О ЧУВСТВАХ

Термин «*чувства*» многозначен. Этим термином обозначаются и ощущения, и эмоции, и поток переживаний, и собственно чувства. Мы отделим эти понятия друг от друга и рассмотрим, прежде всего, *ощущения, собственно чувства и эмоции*.

Итак, *ощущения*. Каждый вид ощущений имеет свой ор-

ган со своими рецепторами. Поэтому строже было бы называть их не органами чувств, а органами ощущений. Их не шесть, как принято считать, а намного больше. Мы ощущаем не только при посредстве зрения, слуха, обоняния, осязания и... чувства вкуса. Мы также ощущаем температуру окружающей среды и своего тела, положение в пространстве всего тела и отдельных членов, относительное перемещение этих членов и всего тела, сытость и пресыщение, голод и жажду и многое другое, включая всевозможные болевые проявления и, вероятно, биополе другого человека. Но всё это – ощущения, так сказать, низшего уровня. Об ощущениях высшего уровня мы поговорим в другом месте.

Часто путают *собственно чувства и эмоции*. «Термины, обозначающие психические явления, обычно называемые эмоциями или чувствами, к сожалению, не имеют строгого значения, и среди психологов до сих пор идут дискуссии на тему «что значит что». (Б. И. Додонов. Эмоция как ценность. Москва, Политиздат, 1978, стр. 23).

Путаница эта, вероятно, идёт от Д. Юма, который усмотрел прямую корреляцию всех внешних проявлений человека от двух противоположных чувств – любви и ненависти (см. Юм Давид. Сочинения в двух томах. Том 1. Москва, «Мысль», 1996). В действительности, однако, внешние проявления – от восторга до умиротворения и от гнева или паники до апатии – это эмоции, которые, в отличие от соб-

ственно чувств, не имеют внутреннего ценностного (точнее, оценочного – с точки зрения исповедуемых ценностей) содержания, а являются реакцией организма на оценку ситуации с позиции содержания собственно чувства. Так, если я люблю кого-то, то я радуюсь его успехам и негодую по поводу его неправильных поступков, которые могут привести к нежелательным для него последствиям (согласно же Юму, моё негодование следует однозначно расценить как проявление ненависти). А если я кого-то ненавижу, то, наоборот, негодую по поводу его успехов и радуюсь его неудачам (т.е. в данном случае радость моя никак не связана с любовью, как полагал Юм).

Достаточно перечислить некоторые из присущих человеку чувств (здесь – *собственно чувств*), чтобы убедиться в их оценочном содержании. Так, нам известны чувства любви и ненависти, долга и исполненного долга, совести, патриотизма, опасности и безопасности, ответственности и пренебрежения, справедливости и несправедливости, гордости и стыда, возвышенности и унижения, уважения и самоуважения, самолюбия и уязвлённого самолюбия, обиды, презрения, досады, сожаления, жалости, горечи, скорби, превосходства и беспомощности, зависимости и независимости, безысходности и отчаяния, сочувствия, сопереживания, сопричастности, удовольствия и неудовольствия, комфортности и дискомфорта, наслаждения и гадливости, почитания, преданности, отчуждённости, неприязни, мести и от-

мщения, чёрной и белой зависти, морального удовлетворения и неудовлетворённости, духовного роста и духовной (моральной) опустошённости, благодарности, уверенности и неуверенности, недоумения, удивления, веры и безверия (разуверия), азарта, алчности и др. Оценочное содержание собственно чувств должно подлежать отдельному исследованию, в том числе в рамках аксиологии.

Эмоции обычно подразделяют на *положительные и отрицательные* – именно в этом они сходны с собственно чувствами. Однако, с точки зрения физиологической реакции организма на оценку ситуации, правильнее было бы подразделить эмоции на *мобилизующие и демобилизующие* – в зависимости от возбуждения симпатической либо парасимпатической нервной системы (см. Я. Рейковский. Экспериментальная психология эмоций. Москва, «Прогресс», 1979). Так, в предвкушении материального или морального вознаграждения возникает положительная мобилизующая эмоция радости, вследствие чего человек готов «свернуть горы». А после заслуженного вознаграждения возникает положительная демобилизующая эмоция умиротворения, понижающая жизненный тонус организма. Отрицательная эмоция может возникнуть вследствие чувства несправедливости либо опасности. И если человек уверен в своих силах, то данная эмоция будет мобилизующей – гнев либо страх (в последнем случае достаточно сил требуется для надёжного выхода из опасной ситуации, зачастую сопряжённого с борьбой

за выживание). А если человек, напротив, уверен в своём бессилии, то данная эмоция будет демобилизующей, вызывающей апатию либо паралич – от временного оцепенения или обморока до полного угасания всех жизненных функций вследствие реальной либо внушённой абсолютной безысходности. Так, Рейковский приводит, как крайний случай, так называемую «смерть Вуду», наблюдавшуюся европейскими этнографами у австралийских аборигенов, которые внезапно узнавали, что непреднамеренно нарушили табу.

Разумеется, здесь приведены лишь крайние эмоциональные проявления, которые одинаково опасны для жизнедеятельности человеческого организма, поскольку как бурный восторг, так и бурное негодование (аффекты) сопровождаются мощным выбросом адреналина и прочих ферментов в предвосхищении интенсивной и продолжительной мышечной работы, чего, в силу разных причин, чаще всего не происходит. Но такие крайности встречаются довольно редко – наиболее типичны промежуточные *эмоциональные состояния*, так называемый *эмоциональный тонус* или *настроение*. Так, к примеру, состояние тревожности – это не чувство, а именно эмоция, вызванная чувством опасности. Аналогично можно рассмотреть состояния бодрости, весёлости, уныния, грусти и т. д. Причём то или иное эмоциональное состояние может меняться не только под воздействием «нахлынувших» (при оценке ситуации) чувств, но и физиологически – под воздействием, к примеру, принимаемых препара-

тов или массажа, а также сознательно – усилием воли. Повышенный положительный тонус (эйфория, вплоть до бескорыстной жертвенности) может быть также вызван систематической идеологической обработкой (оболваниванием). Противоположный же тонус (прострация, постоянная изматывающая тревожность либо, наоборот, немотивированная вспыльчивость) может быть вызван длительной психотравмирующей ситуацией (в частности, неправильным воспитанием).

Таким образом, эмоции суть элементы системы опережающего отражения, которое рассматривается не как пассивное созерцание, а как активная деятельность (подробнее об этом, равно как и о потоке переживаний, об ощущениях высшего уровня, о сознании и воле, – мы также поговорим в дальнейшем). Эмоции, вызванные в определённой ситуации определёнными чувствами, могут оставаться в памяти в неразрывной связи с определённой деятельностью. И в этом вновь приобретённом качестве они сами могут становиться определённой ценностью, направляющей желания и деятельность человека на их воспроизводство, то есть на преднамеренный вызов того эмоционального состояния, с которым сопряжены определённые воспоминания или же определённый вид деятельности (см., к примеру, Б. И. Додонов. Эмоция как ценность. Москва, Политиздат, 1978).

О ВОСПРИЯТИИ

(Начало логики мышления)

Современная психологическая наука рассматривает восприятие *«как активный процесс поиска требуемой информации, выделения существенных признаков, сличения их между собой, создания адекватных гипотез и последующего сличения этих гипотез с исходными данными»*. (А. Р. Лурия. Основы нейропсихологии. Издательство Московского университета, 1973, стр. 231). Таким образом, цельное восприятие объекта неизбежно сопровождается так называемыми *умственными действиями*, имеющими сложную мозговую организацию.

К примеру, *«процесс зрительного восприятия человека начинается с момента, когда возбуждения, возникающие на сетчатке глаза, доходят до первичной (проекционной) зрительной коры, где они, проецируясь на соответственных... пунктах коры, распадаются на огромное число составляющих признаков»*. (Там же, стр. 232). И далее: *«этот процесс зрительного **анализа** обеспечивается наличием в зрительной коре огромного числа высокодифференцированных нейронов, каждый из которых реагирует лишь на какой-либо один признак воспринимаемого объекта»*. (Там же, стр. 232). *«Второй этап мозговой организации зрительного восприятия протекает при ближайшем участии вторичных зон зрительной коры, которые составляют основной аппарат **синтеза** зрительно воспринимае-*

мых элементов, однако сами эти отделы находятся под влиянием иных, внезрительных отделов мозга, организующих и модулирующих их работу». (Там же, стр. 233). На данном этапе «возникает возможность синтезировать различные зрительные признаки, на которые дробится зрительное восприятие, что делает их доступными управлению». (Там же, стр. 233).

Подобным образом организованы все другие виды восприятий, берущие начало от соответствующих видов ощущений. Во вторичных зонах зрительной коры синтезируется зрительный образ воспринимаемого предмета, слуховой коры – слуховой образ предмета и т. д.

Общий синтез разнородных восприятий происходит в третичной зоне, где, по-видимому, и формируется комплексный образ воспринимаемого объекта.

Здесь требуется сделать некоторое уточнение, которое лучше меня сделал Ф. Т. Михайлов:

«Согласно рефлексорной теории ощущения и восприятия рассматриваются как активные процессы, отличающиеся известной избирательностью и включающие эфферентные (моторные) компоненты... И. М. Сеченов указывал, что каждый акт зрительного восприятия включает в свой состав наряду с центростремительными (афферентными) ещё и центробежные (эфферентные) механизмы. Глаз, воспринимая предметы окружающего мира, активно „ощупывает“ их, и эти „ощупывающие“ движения наряду с пропри-

оцептивными сигналами от глазодвигательных мышц входят как элементы в состав зрительного восприятия... Таким образом, исследование зрительного восприятия в специальных условиях показывает, что оно имеет сложное строение, принципиально сходное со строением тактильного восприятия, где ощупывающая рука последовательно выделяет ряд признаков, лишь постепенно объединяющихся в одно симультанное целое (А. И. Котлярова, 1948; Б. Г. Ананьев, 1959)». (Ф. Т. Михайлов. Загадка человеческого Я. Москва, Политиздат, 1978, стр. 174).

Более того, процесс восприятия ещё сложнее.

«Восприятие предмета есть вместе с тем его **узнавание**, иначе говоря, включение его в систему уже знакомых связей». (А. Р. Лурия. Основы нейропсихологии. Издательство Московского университета, 1973, стр. 239). Речь идёт об узнавании не только знакомых предметов. Каждый отдельно взятый признак, выделенный в первичной зоне в процессе анализа, порождает огромное множество всевозможных синтезов во вторичной и третичной зонах. Это соответствует такому же числу образов воспринимаемого предмета (представлений-подсказок, необходимых для функционирования системы опережающего отражения), последовательно с огромной быстротой сменяющих друг друга в качестве гипотез (перебор вариантов), пока, наконец, полученный общий синтез не совпадёт с аналогичным сочетанием множества признаков воспринимаемого предмета. Таким образом, каж-

дый незнакомый предмет воспринимается поначалу как знакомый (воспринятый ранее).

«Однако хорошо известно, что перцепторная деятельность... необходимо включает в свой состав и возможность активно вызывать... образы по одному словесному обозначению». (Там же, стр. 238). Таким образом, узнавание, как элемент процесса восприятия, обеспечивающий опережающее отражение, включено в ассоциативную память (функционирующую в процессе восприятия как *автоматический «поисковик»*), которая, в свою очередь, является результатом предшествующих (первичных) восприятий. И все последующие акты восприятий представляют собой *сравнения поступающих комплексов ощущений с имеющимися в памяти ассоциациями*. Таким образом, *восприятие неизменно сопровождается сменяющимися представлениями* (зачастую мы «ловим» себя на том, что поначалу нам «показалось», «привиделось», «послышалось» или «померещилось» вовсе не то, что оказалось на самом деле, причём оказалось это вовсе не тем, что ожидалось – мы «обозначились»).

Исходными импульсами, запускающими процесс поиска адекватных ассоциаций (представлений), являются воспринимаемые отдельные признаки отражаемого объекта, которые в данных умственных действиях играют роль «сходных», а все остальные признаки «всплывающих» ассоциаций оказываются «переносимыми». Таким образом, изначально умственные действия процесса восприятия напоминают тра-

дуктивные умозаключения по аналогии. Тем не менее, логические схемы описываемых здесь умозаключений отличаются от «классической» аналогии.

#

Воспринимаемый объект N имеет признак X.

Признак X присущ воспринятому ранее и запомненному предмету A.

Воспринимаемый объект N есть предмет A.

#

Воспринятому ранее и запомненному предмету A, кроме признака X, присущи также признаки Y, Z (и др.).

Воспринимаемому объекту N не присущи признаки Y, Z (и др.).

Воспринимаемый объект N не есть предмет A.

#

Воспринимаемый объект N имеет признак X.

Признак X присущ воспринятым ранее и запомненным предметам A и B.

Воспринимаемый объект N может быть предметом

А или В.

Воспринимаемый объект N не есть предмет А.

Воспринимаемый объект N есть предмет В.

#

Далее может оказаться, к примеру, что *предмету В присущ также признак Y, но не присущ признак Z...* Вариантов очень много. Главной «движущей силой» процесса их перебора оказывается *противоречие* – перебор вариантов соответствия комплексного образа воспринимаемому предмету продолжается вплоть до полного соответствия содержания (сочетания множества признаков) образа предмета содержанию самого предмета, то есть до полного снятия противоречия формальным тождеством (в идеале – все признаки совпадают). В итоге *данное умозаключение оказывается экзистенциальным, поскольку позволяет субъекту судить о наличии конкретного предмета вне его Я, то есть объективно.*

Таким образом, *познание никогда не бывает только чувственным – оно с самого начала оказывается также и рациональным.* Причём это не простое копирование («фотографирование») объективного в субъективном, а *активное взаимодействие Я и не-Я.* Однако на данном этапе оно остаётся рассудочным (и в таком качестве вполне доступно животным, обладающим психикой). В результате процессов

восприятия в нашей голове возникает *идеальный образ объективной действительности* – её «картина».

По этому поводу Л. Витгенштейн (в своём раннем Логико-философском трактате) говорит: *«Чтобы узнать, истинна или ложна картина, её нужно сопоставить с действительностью. Из картины самой по себе нельзя узнать, истинна она или ложна».* (5, стр. 10).

Благие пожелания, но не осуществимые. Мы не видим и никогда не увидим действительность, не опосредованную нашими органами ощущений и последующими умозаклучениями восприятия, – она так и останется «вещью в себе». Чтобы удостовериться в истинности нашей «картины», мы можем лишь посмотреть на мир под другим углом и с иной точки зрения, получив, таким образом, несколько иную «картину». И тогда у нас появится возможность сравнить между собой обе «картины», в результате чего мы делаем другие умозаклучения. Но это уже не простое созерцание, а активная предметно-практическая деятельность по освоению действительности в процессе её преобразования, свойственная исключительно человеку.

Эта специфически человеческая деятельность сопровождается особым человеческим мышлением, которое, в отличие от простого восприятия, характеризуется выходом на новый, разумный уровень. Об этом – в дальнейшем.

ОБ ИНФОРМАЦИИ

Знание и информацию многие считают синонимами. Тем не менее, различие этих двух понятий лежит буквально на поверхности: в мире есть много информации, о которой лично я ничего не знаю. Однако это – всего лишь поверхностное различие, не дающее представления о фундаментальном, сущностном различии (к примеру, неизвестная пока информация может стать известной мне, и тогда она превратится в моё знание). К тому же само слово «информация» многозначно, и для дальнейшего исследования проблемы необходимо чётко определиться, какое именно значение мы будем иметь в виду.

Латинское слово «*informatio*» в переводе на русский язык означает сообщение о чём-либо, осведомление, изложение, разъяснение. В широком общепринятом смысле информация – это любые сведения о чём угодно (именно так, к примеру, понимаются средства массовой информации). И здесь, действительно, любая информация есть синоним потенциального знания.

Современное научное понятие информации отличается от общепринятого в широком смысле, хотя и оно неоднозначно. Различают внутреннюю, или структурную, информацию (как меру организации системы) и внешнюю, или относительную, информацию (как степень воздействия одной системы на другую или одного процесса на другой).

По-видимому, общим в обоих случаях является то, что

понятие информации отвлекается (абстрагируется) от качественных особенностей систем или процессов и даёт возможность описывать собственно процесс управления как внутренним состоянием системы, так и воздействием одной (управляющей) системы на другую (управляемую). Такое описание осуществляется при помощи абстрактных символов – знаков, замещающих те или иные реальные управляющие материально-энергетические воздействия, каждое из которых имеет свои качественные особенности. В сущности (с точки зрения абстрактного формально-знакового описания), управление внутренним состоянием системы и управление воздействием одной системы на другую – одно и то же. В первом случае внутри системы должна образоваться управляющая подсистема, при этом остальные элементы системы превращаются в управляемую подсистему; во втором – обе взаимодействующие системы складываются (интегрируются) в своём взаимодействии в единую систему, в которой обе исходные системы оказываются её подсистемами – управляющей и управляемой.

В любом случае описание управляющего воздействия происходит при помощи абстрактных знаков, которые могут иметь одно и то же символическое значение, но совершенно разный материальный субстрат. Так, осмысленная передача социальной информации может осуществляться как устно, посредством речи, т.е. звуковых колебаний, переданных воздушной средой, так и письменно, т.е. при помощи

графических символов на бумаге (либо на экране монитора, а также при посредстве других материальных носителей), замещающих осмысливаемый комплекс звуковых колебаний. И если человек, воспринимающий данную социальную информацию, не страдает какими-либо физиологическими расстройствами, он воспринимает оба вида социальной информации одинаково, понимая, что оба материальных субстрата несут в себе в сущности одну и ту же абстрактную информацию, т.е. предназначены для одного и того же информационного воздействия.

С этой точки зрения под информационным процессом *«понимается такое отражение, в котором отражаемая структура способна быть инвариантной по отношению к своему материальному носителю, т.е. она способна сохраняться и воспроизводиться без существенного изменения в самых различных материальных субстратах. Отсюда информационный процесс можно определить как своеобразное движение инвариантной структуры в материальных носителях различной природы, а информацию представить в качестве инвариантной структуры, циркулирующей по каналам связи».* (А. Н. Арлычев. Саморегуляция, деятельность, сознание. Санкт-Петербург, «Наука», 1992, стр. 22).

Коренное отличие знания от информации – его особая логическая структура: объём и содержание понятия. Если мы полностью познали объём и содержание понятия о предмете, то нам больше нечего познавать относительно этого предме-

та (идеал, который как бы маячит на горизонте и «ведёт себя» как собственно горизонт: чем ближе, как нам кажется, мы к нему приближаемся, тем дальше он отступает).

Информация, как упорядоченный поток знаков, также имеет свою специфическую логическую структуру. Её исследованием занимаются лингвистика, семиотика, теория формального вывода (раздел математической логики). Относительная самостоятельность информации по отношению к знанию (относительная независимость языка от мышления) будет рассмотрена ниже.

Здесь же необходимо ещё раз подчеркнуть внутреннюю противоречивость любой информации. С одной стороны, знак, как элементарный носитель единицы информации, есть некая *абстракция, безразличная к своему материальному носителю*. Но с другой стороны, передача информационного знака, то есть абстракции как таковой, *невозможна вне своего носителя* – конкретного материального субстрата. Одна и та же информация может быть передана посредством разных материальных носителей, равно как один и тот же материальный носитель может передавать разную информацию.

Вопрос о единице «человеческой» информации чрезвычайно сложен. В научной литературе встречаются разные мнения на этот счёт. Однако все они привязывают единицу информации к воображаемой единице мышления, выражаемого посредством языка (слово, предложение, контекст

и т.п.). Ошибочность данной точки зрения станет очевидной из обещанного рассмотрения относительной независимости языка и мышления.

По-видимому, правильнее было бы подходить к этому вопросу с физико-физиологической точки зрения, исходя из рассмотренных выше процессов восприятия. Взаимодействие между нейронами осуществляется дискретно посредством единичных синапсов, каждый из которых можно было бы принять за единицу внутренней информации (один бит – в этом отношении наш мозг можно было бы уподобить техническим устройствам, действующим по цифровой технологии, а сменяющиеся ассоциации – информационным сетям).

Однако это было бы возможно при условии математического равенства соответствующих параметров всех синапсов между всеми парами нейронов. Добавим к этому, что разные нейроны отличаются по величине и форме и имеют разные по длине аксоны, через которые передаются нервные импульсы. Сам процесс передачи нервных импульсов не подобен передаче электрических импульсов посредством свободных электронов в металлических проводниках, а представляет собой многочисленные серии химических реакций, идущих последовательно как бы по спирали от середины аксона к его периферии и обратно. Кроме того, необходимо учитывать качественную разнородность синапсов, осуществляемых в процессе анализа восприятия в первичных

зонах коры головного мозга. Кроме всего сказанного, необходимо учитывать качественное отличие внутренней информации (множество синапсов) от внешней (физическое воздействие внешней и внутренней среды организма на рецепторы в процессе ощущений). Ко всему следует добавить, что любое единичное информационное воздействие на нейрон вызывает «единичное» (говоря условно) качественное изменение его химического состава – память о воздействии, которая с течением времени (при отсутствии аналогичных «подтверждающих» воздействий) может «стираться».

Вопрос этот пока остаётся открытым.

Для уточнения позиции относительно понятия информации (несколько забегаая вперёд) позволю себе воспользоваться фрагментами доклада Д. И. Дубровского, сделанного 30 мая 2007 года в ходе междисциплинарного научно-теоретического семинара «Философско-методологические проблемы искусственного интеллекта» (точнее, фрагментами его статьи «Зачем субъективная реальность или „Почему информационные процессы не идут в темноте?“ (ответ Д. Чалмерсу)», «прикреплённой» к электронной версии доклада). Д. И. Дубровский пишет:

«Как известно, имеются два основных подхода к определению сферы существования информационных процессов и соответственно к истолкованию понятия информации. Первый из них предполагает, что информационные процессы – фундаментальное свойство объективной действительности».

тельности, физического мира, что информация присуща всем материальным объектам (такой подход часто называют **атрибутивным**). Второй подход ограничивает сферу информационных процессов и применимости понятия информации лишь к самоорганизующимся системам, начиная с биологических (этот подход именуется обычно **функциональным**). В первом случае информации можно приписывать лишь синтаксические характеристики, во втором – также семантические и прагматические, что позволяет объяснять процессы эффективного управления, саморегуляции, активного действия, присущие биологическим и социальным системам (включая технические, поскольку они создаются и контролируются человеком)».

Д. И. Дубровский недвусмысленно объявляет себя сторонником функционального подхода. Я придерживаюсь той же позиции.

Философия мышления человека

Разумеется, способностью мыслить обладает не только человек. Но мы будем говорить именно о человеческом мышлении, изредка сравнивая его с мышлением высших животных. При этом следует всегда иметь в виду, что мышление не существует само по себе, без человеческой деятельности и без поведенческих реакций. Однако ни сама деятельность, ни поведенческие реакции (ни даже «простые» психические функции, такие как, например, восприятие, память и др. – как мы убедились выше) не обходятся без умственных действий, то есть без мышления. Более того, в своих поведенческих реакциях человек почти ничем не отличается от животных, за исключением разве того, что его собственно человеческое поведение имеет социально-культурное происхождение, то есть воспитание (у домашних животных, кстати, – тоже).

МЫШЛЕНИЕ И ЯЗЫК, ОБЩЕНИЕ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Знание справедливо считается, с одной стороны, продуктом общественной материальной и духовной деятельности людей, а с другой стороны, – идеальным выражением в знаковой форме объективных свойств и связей мира, природно-

го и общественного (см. Философский словарь. Москва, Политиздат, 1987). Таким образом, во-первых, в ходе материальной и духовной общественной деятельности люди познают объективные свойства и связи природного и общественного мира, и, во-вторых, люди выражают это приобретённое знание идеально в знаковой форме. *Знание, само являясь идеальным отражением познанной действительности, не тождественно идеальной форме своего выражения.*

Любое знание представляет собой часть общественного сознания.

«Содержание общественного сознания чрезвычайно многообразно, и оно включает как общечеловеческие компоненты (логические, лингвистические, математические правила, так называемые простые нормы морали и справедливости, общепризнанные художественные ценности и т.д.), так и классовые, национальные, профессиональные и т. п. Естественно, что ни одно отдельно взятое индивидуальное сознание не вмещает всего этого содержательного разнообразия, значительная часть которого к тому же представляет собой взаимоисключающие идеи, взгляды, концепции, ценностные установки». (Д. И. Дубровский. Проблема идеального. Москва, «Мысль», 1983, стр. 158).

С другой стороны, *«нет общественного сознания, которое существовало бы вне и помимо множества индивидуальных сознаний».* (Там же, стр. 159).

Прежде всего, здесь следует обратить внимание на то, что,

говоря в данном контексте об индивидуальном сознании, мы имеем в виду так называемое *содержание сознания* – специфический устоявшийся термин, отнюдь не тождественный собственно феномену сознания (об этом – в дальнейшем).

Приобретение, передача, хранение и развитие знания суть результат совместной деятельности миллиардов людей. При этом каждая индивидуальная деятельность оказывается общественной деятельностью, а каждое индивидуальное знание – общественным знанием.

Передача знания от одного человека к другому осуществляется при помощи универсального орудия общения – языка. И в этом состоит принципиальное отличие социальности человека от социальности животных, которые ведь тоже пользуются своим «языком».

Иногда мы говорим, что язык есть средство общения. Но это означает лишь то, что общение возможно **посредством** языка. Однако при этом следует иметь в виду, что общении посредством языка возможно только в том случае, когда язык применяется в качестве **орудия** (а не собственно средства) общения. Собственно же средством общения выступает материальная среда, в которой языковые информационные знаки в качестве орудийных оставляют свои следы, тем самым изменяя эту материальную среду (процесс опредмечивания).

Дело в том, что *«субъект-субъектное отношение мы рассматриваем принципиально как орудийно опосредован-*

ное или конституированное культурным орудием деятельности. Следует заметить, что любой исследователь проблем общения не может не признавать наличия культурных средств общения (бесспорным, например, является наличие языка), но никто не выходит за рамки логики бинарной оппозиции в принципиальном плане. В точном значении субъект-субъектное отношение – это отношение одного животного к другому. Общение сознательных субъектов по своей фундаментальной онтологической определённости имеет опосредованную структуру. Люди на самом деле редуцируют своё поведение к животному, когда элиминируют культурное опосредование своего взаимодействия.

Здесь мы опять-таки исходим из того фактического положения вещей, что сознание другого субъекта может быть дано мне только в форме некоторой общезначимой (имеющей общий смысл) предметности: в виде слова, жеста, интонации – Его произведения. Это есть условие, без которого нет межличностного отношения (общения)». (С. Е. Ячин. Феноменология сознательной жизни. Владивосток, Дальнаука, 1992, стр. 51).

Остальные указанные процессы – приобретение, хранение и развитие каждого индивидуального знания – осуществляются в процессе мышления, включённого в общественную трудовую деятельность человека. Таким образом, если язык есть орудие информационного общения (социальной коммуникации), то мышление есть средство обработки получае-

мой информации и превращения её в своё новое знание (изменение, духовное обогащение своей субъективной реальности), хранения вновь поступившего знания в совокупности с имеющимся, затем превращения какой-то определённой части своего знания в передаваемую информацию.

Обработка получаемой информации начинается с отделения идеальной знаковой формы от её материального носителя – процесс распредмечивания. Индивидуальное знание существует отнюдь не в виде разрозненных сведений – отдельных элементов объёма и содержания понятия. Знание есть система этих элементов. Причём новое знание должно либо влиться в уже готовую систему и просто дополнить её, либо преобразовать все имеющиеся элементы в новую систему субъективной реальности. В последнем случае мышление с необходимостью должно столкнуться с противоречием и преодолеть внутренний конфликт между старыми представлениями и новыми познанными фактами, не соответствующими этим старым представлениям (подробнее об этом – в дальнейшем). Иначе новая информация в целом останется нерасшифрованной (хотя отдельные слова будут понятны) и не превратится в новое знание – так, к сожалению, бывает очень часто. Превращение же части своего знания в передаваемую информацию заканчивается воплощением идеальной знаковой формы в материальный носитель – процесс опредмечивания.

Очень многие ошибочно полагают, будто мышление

невозможно без языка, поскольку последний непосредственно связан с мышлением (и при этом обычно ссылаются на феномен формирования и дальнейшего функционирования так называемой свёрнутой речи – этот феномен будет рассмотрен в дальнейшем). Однако анализ языка (грамматический, лингвистический, филологический, этимологический и т.д.) ничего не даёт в понимании логики мышления. Тем более ничего не даёт в этом отношении так называемый формально-графический анализ искусственных языков, используемый математиками для так называемого «машинного мышления».

«Одним из следствий тезиса о неразрывном единстве мышления и языка является мнение, будто критерием владения понятием вещи служит способность дать ей вербальное определение, правильное с формально-логической точки зрения. Если, однако, обратиться к сфере бытийных орудийных навыков человека, то легко убедиться, что на деле субъект вполне владеет сущностью орудия, но правильного определения ему дать не может. Специальные исследования показали, что даже взрослые люди без специального обучения очень слабо владеют навыками вербально-логического определения понятия... С другой стороны, можно вполне уверенно утверждать, что даже маленькие дети, ещё плохо владеющие языком, обладают понятием таких предметов, как нож, ложка, стул и пр.». (Там же, стр. 69).

Следовательно, уже малые дети хорошо представляют се-

бе всё известное им богатство содержания понятия о тех предметах, которыми научились правильно пользоваться. Кроме того, хорошо известно, что болтливость, которой страдают некоторые люди (порой, начиная с детского возраста), никак не характеризует их мышление.

«Язык, безусловно, есть самое мощное конструктивное орудие сознательной деятельности, наиболее широко раскрывающее перспективы становления Бытия, его потаённые возможности, но именно как орудие конструктивной работы сознания язык не может быть понят из себя самого. Следует взглянуть на фактическое положение вещей, которое состоит в том, что членораздельная речь не могла появиться ранее 50 тыс. лет тому назад (что установлено палеоантропологическими изысканиями), а деятельность по производству и использованию орудий насчитывает по меньшей мере полуторамиллионную историю». (Там же, стр. 13 – 14).

Примерно 50 тыс. лет – таков археологический возраст находок скелетов древних людей, уже имевших форму черепа, сходную с формой черепа современного человека. У них уже был чётко выражен подбородок. Именно такое строение позволяет так располагать голосовые связки, чтобы производить собственно человеческую артикуляцию. У более древних гоминид форма черепа напоминала скорее обезьяню, нежели человеческую – чисто физиологически чёткое и членораздельное произнесение звуков человеческой речи с та-

кой формой черепа невозможно.

С. Е. Ячин напоминает нам, что *«деятельность по производству и использованию орудий насчитывает по меньшей мере полуторамиллионную историю»*. Насколько мне известно, последние археологические данные свидетельствуют даже о намного более ранней – о трёхмиллионнолетней истории сознательной целеполагающей деятельности первобытного человека, ещё не знавшего членораздельной речи.

Несомненно то, что данный исторический факт есть убедительнейшее свидетельство того, что собственно человеческое мышление своим происхождением отнюдь не обязано языку. Наоборот, язык в качестве орудия общения людей возник намного позже в ходе, с одной стороны, усложнения структуры человеческой общественной деятельности и структуры самого человеческого общества и, с другой стороны, продолжавшейся биологической эволюции человеческого организма. Оба этих фактора, взаимовлияя друг на друга, взаимообуславливая друг друга, и привели, в конце концов, к возникновению языка общения.

Одно и то же знание можно передать разной информацией, – к примеру, на разных языках. Даже на одном языке одну и ту же мысль словесно-фразеологически можно выразить по-разному, практически бесконечно многообразно (каждый человек обладает сугубо индивидуальным стилем выражения своих мыслей). Причём одно и то же слово (казалось бы, единое информационное имя одного и того же

понятия) в разных фразеологических оборотах («языковых играх», как говорит Витгенштейн в своих «Философских исследованиях») может иметь совершенно разное значение (к примеру, омоним – одно имя разных понятий). И многие знают, как порой бывает трудно (а то и невозможно в принципе) передать какую-либо мысль – буквально «нет слов»:

«В свидетели утверждения, что связь мышления с предметно-практическим действием более фундаментальна, чем связь его с языком, можно взять и интроспективный опыт каждого человека. Выполнение простых работ, которое требует тем не менее изощрённых истинно человеческих навыков (любая ремесленная профессия), не сопровождается вербальной рефлексией. Если человек и думает о чём-то постороннем, когда занят столярным делом, то только тогда, когда совершает привычные операции. Решение же творческих предметных задач (какую форму придать этой детали, допустим) осуществляется непосредственно, без речевого сопровождения. Станет ли кто-нибудь утверждать, что такие практические дела не требуют сознания, что эта деятельность не носит осознанного характера?» (Там же, стр. 73).

Действительно каждый при желании мог бы убедиться, что ход его собственного мышления детерминируется отнюдь не речью (внутренней, свёрнутой речью), но, наоборот, эта речь детерминируется его мышлением. Однако дело, оказывается, в том, что «для современного человека этот опыт

(интроспективный – В. Э.) затемнён нормами рефлексивного вербального мышления». (Там же, стр. 46).

С другой стороны, одна и та же информация может передавать различное знание, – к примеру, сообщение, зашифрованное в обычном тексте. И распознаётся эта зашифрованная мысль в сознании отнюдь не формально-графически (в чём особо преуспели математики – специалисты по теории формального вывода, а также конструкторы кибернетических устройств), а исключительно по смыслу (маститые писатели умеют в одном контексте передавать сразу несколько смыслов сказанного, как бы «между строк»). Более того, зачастую высказываются именно для того, чтобы скрыть свои подлинные мысли (намерения или проделки). К примеру, смысл фразы, применённой в качестве метафоры (либо с использованием жаргонных слов, специфических терминов, которые не являются общеупотребительными), но в неадекватной ситуации, зачастую оказывается недоступен для понимания. Причём всякое опредмечивание мысли есть именно её зашифровывание в языковую (или иную) информацию, а всякое распредмечивание языковой (или иной) информации есть расшифровывание мысли, переданной при помощи языка (или иных средств).

«Специфичность человеческого осмысления действительности состоит в том, что смысловая структура, вырабатываемая человеком, обладает социальным, надиндивидуальным значением (смыслом), опосредствующим его

отношение к действительности. В этом социальном значении отражается знание о ней с той степенью полноты, которая доступна обществу на данном этапе его развития. Социальные значения реализуются как определённые функции, выполняемые элементами культуры в конкретных видах деятельности. Поэтому механизмы формирования смысла и понимания многообразны, как многообразна человеческая практика, производящая и использующая ценности.

Социальные значения есть система связей и функций элементов культуры в контексте социальной деятельности. Этот контекст – «ситуация деятельности» и воссоздаётся человеком в процессе осмысления знака (явления, орудия, текста и т.д.), усвоения его социального значения. Процесс такого осмысления, по сути дела, есть процесс воссоздания культурной деятельности, связанной с данным знаком, осознание его «сделанности».

С этой точки зрения понимание есть конструктивный процесс». (С. С. Гусев, Г. Л. Тульчинский. Проблема понимания в философии. Москва, Политиздат, 1985, С. 52—53).

В математической логике и семиотике под смыслом понимается тот способ, каким знак «сам указывает» на своё значение. Но такое весьма узкое понимание смысла продиктовано сугубо утилитарным математическим термином «смысл», не имеющим отношения к реальному мышлению. В учебнике традиционной логики В. Ф. Асмуса значение слова (лек-

сическое значение) определяется как совокупность признаков, связываемая с определённым звуковым комплексом. Это вполне согласуется с современным пониманием процессов восприятия и связанных с ними процессов ассоциативного мышления (см. выше). Смысл же определяется отношением данной совокупности признаков (содержания) к общественной практике.

«Интересно» в этом отношении традиционное для отечественной психологии и педагогики понимание знания, умения и навыка. Знание понимается как простая осведомлённость о чём-либо. Навык – как доведённая до автоматизма сравнительно простая трудовая (или иная – спортивная, например) операция. Умение – как совокупность навыков, выполняемых осознанно и последовательно на основании знания. Таким образом, умение «оказывается» более высокой степенью образованности, нежели знание.

Но такое упрощённое понимание знания не согласуется со смыслом, который приобретает знание в качестве продукта общественной деятельности людей. «Сделанность» (орудийность, технологичность) знания уже предполагает некоторое умение в качестве части своего содержания. Всякая система субъективной реальности есть отражение индивидуального опыта продуктивной общественной деятельности. *«Субъект лишь тогда действительно знает сущность предмета, когда способен его произвести, сделать сам (В противном случае, как и животное, он довольствуется об-*

щим представлением, схватывающим внешние признаки). (С. Е. Ячин. Феноменология сознательной жизни. Владивосток, Дальнаука, 1992, стр. 58).

Ведь уже на первом этапе познания – в процессе восприятия человека *«неизбежно участвуют наряду с рецепторными также и эффекторные, двигательные компоненты, которые на первых этапах формирования перцепторного действия выступают в развёрнутом виде, а затем принимают свёрнутый характер»*. (А. Р. Лурия. Основы нейропсихологии. Издательство Московского университета, 1973, стр. 231).

Именно в продуктивной общественной деятельности (пусть даже воображаемой, на основе части имеющегося и вновь приобретённого «чисто» теоретического знания) достигается понимание того, что может быть выражено в зашифрованной языковой информации (поскольку в последней не может быть выражено ничего, кроме содержания всё той же продуктивной общественной деятельности). «Знание» без умения – это начётничество. Весьма показательны, кстати, хорошо известное утверждение Гегеля о том, что теория (объективное знание) только тогда достигает своей зрелости, когда становится способной «снять» себя в метод (объективное умение).

Столь же «интересны» в этом отношении попытки некоторых педагогов воспитать высоконравственную личность, ограничиваясь чисто «теоретическим» подходом к делу –

зачитыванием (для последующего зазубривания) из словарей и учебников формальных определений моральных категорий и норм. Такая «мораль», не связанная с повседневным нравственным упражнением, изначально лишена смысла (хотя формально имеет значение – лексическое значение), поскольку оторвана от личного участия слушателей в общественной материальной и духовной деятельности. И наоборот, *«человек лишь в той мере способен осознать содержание своей жизни, в какой его жизнедеятельность имеет внутреннюю завершённость, сделана им самим»*. (С. Е. Ячин. Феноменология сознательной жизни. Владивосток, Дальнаука, 1992, стр. 59).

Процессы распредмечивания, опредмечивания и все остальные вышеназванные операции мышления – суть *умственные действия*, то есть, с точки зрения формальных отношений мышления – это *умозаключения*. Об особенностях этих умозаключений будет сказано в дальнейшем. Здесь же отметим ещё один феномен, вытекающий из относительной независимости мышления и языка.

«Любой сознательный акт жизни, помимо внешней цели, направленной на удовлетворение некой потребности, имеет и внутреннюю завершённость тем, что достигнутое изменение положения вещей изменяет содержание самой этой деятельности (и самого субъекта), которая породила данный результат. Именно этот феномен связан со странной, на первый взгляд, чертой всех разновидностей деятельно-

сти: каждая из них как бы совершается для себя самой (как игра), вне какой-либо внешней целесообразности, слу-
жит „самовыражению“ субъекта». (Там же, стр. 59).

Таким образом, каждый, кто передаёт какое-либо сообщение, передаёт его не столько для другого, сколько для себя. В этой связи успех социальной коммуникации во многом зависит от одинакового понятийного понимания (практически недостижимого равенства объёмов и содержаний) переданного и полученного знания, зашифрованного в языковой (и иной) информации. Проблема заключается в том, что индивидуальный социальный опыт у всех людей практически разный – отсюда и возможное разное толкование распределённой информации (самый простой пример – эквивокация), что приводит к взаимному непониманию и нарушению социальной коммуникации.

Особенно это касается проблемы одинакового осмысления общих понятий (а таких в любой фразе – подавляющее большинство, поэтому практически любая произвольно сказанная фраза оказывается «недоопределённой»), поскольку *«одно и то же может быть и тем, и другим и даже в одно и то же время, если оно взято как общее»*. (Аристотель. Сочинения, том 1. Москва, «Мысль», 1976, стр. 271).

С чисто формальной стороны, с этой проблемой, казалось бы, справиться довольно легко – путь её решения указывает сам великий основоположник логики:

«Несомненно, что те, кто намерен участвовать в бесе-

де, должны сколько-нибудь понимать друг друга. Если это не достигается, то как можно беседовать друг с другом? Поэтому каждое слово должно быть понято и обозначать что-то, и именно не многое, а только одно; если же оно имеет несколько значений, то надо разъяснить, в каком именно оно употребляется». (Там же, стр. 279 – 280).

В действительности, однако, дело обстоит намного сложнее. Вопрос – что и для кого следует разъяснять? – не будет даже поставлен, пока мы не столкнёмся с непониманием. И только тогда конструктивная (либо иная) коммуникация на время прекращается до выяснения соответствия смыслов переданного и полученного сообщений. Но эту закономерность мы наблюдаем буквально на каждом шагу, поскольку чаще всего даже при одном значении разные люди имеют в виду разный смысл – означаемое одинаково осмысливается по-разному. В этом – не просто относительная независимость и самостоятельность, но извечное противоречие мышления и языка.

«Но не менее реально и стремление низвести другого человека до объекта и это стремление вырастает не столько из сознательного намерения, сколько из-за самой диалектики деятельности, того, что она одновременно и предметна и орудийна. Допустим, я слышу речь другого человека. Его слово всегда презентрует мне чужую мысль, с одной стороны, и некую предметность, с другой (то, о чём идёт речь – таким предметом может быть и тело дру-

гого). В зависимости от того, что меня больше интересует – мысль другого или предмет разговора, я буду существенно по-разному воспринимать ситуацию. В идеале существует некое равновесие мотивов, но чтобы сохранить это равновесие, нужно быть в постоянной духовной работе (собственным субъективным усилием заполнять операционально-предметное пространство орудийного действия – согласно общему принципу), а чисто практически это трудно, наше внимание соскальзывает либо в одну, либо в другую сторону». (

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.